

Верхоломов С. А.
S. A. Verkhologov

«УПРАВЛЯЕМАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

«CONTROLLED GLOBALIZATION» IN EAST ASIA

Верхоломов Сергей Александрович – аспирант кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 72, корп. 2, кв. 57. E-mail: verholomov_s@mail.ru.

Mr. Sergey A. Verkhologov – PhD Candidate, Department of History and Law, the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur). 72/2 Lenina st., apartment 2, Komsomolsk-on-Amur 681035. E-mail: verholomov_s@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена всестороннему рассмотрению процессов глобализации в Восточно-азиатском регионе. На основании этого автор делает вывод о формировании «управляемой глобализации» в Восточной Азии.

Summary. The paper offers a comprehensive analysis of globalization processes in East Asia. Proceeding from it, the author makes a conclusion concerning the development of the «controlled globalization» in the region.

Ключевые слова: «управляемая глобализация», регионализация, неолиберализм, инвестиционный климат, Холодная война, Восточная Азия, диктаторский режим, США, экономический кризис.

Key words: «controlled globalization», regionalization, neoliberalism, investment climate, Cold War, East Asia, dictatorship, USA, economic crisis.

УДК 951.06(093.5)

Исследования в области общественных отношений показывают, что глобализация является эпохальным сдвигом в развитии человечества. Этот феномен приводит в движение процессы как на макро- (тенденция к регионализации), так и на микроуровне (поиск новой идентичности). Важную роль в этом процессе исследователи отводят регионализации. По мнению обществоведов, из числа которых можно выделить английского социолога Р. Робертсона, английского философа З. Баумана, израильского социолога Ш. Эйзенштадта, глобализация – это процесс, который приводит мир к изменениям на всех уровнях человеческой жизни, включая экономику, политику, повседневную жизнь, культуру. Вместе с этим авторы отмечают в своих трудах, что глобализация не ведет мир к полному единообразию [1; 8]¹. Отмеченному явлению способствует тот факт, что отдельно взятый мир обладает специфическими чертами, которые нельзя оценить с помощью эталонов другого мира, что в итоге наделяет этот процесс уникальными свойствами. Регионализация – это процесс протекания глобализации в отдельно взятом мире. Не выпадает из этого ряда и Восточная Азия. Однако интерес исследователей к этому региону вызван сугубо экономическими причинами – экономический взлет стран Восточной Азии. Данный факт отражается на результатах исследований по вопросам глобализации, так как ученые раскрывают лишь одну сторону этого феномена – экономическую. Предлагаемая работа посвящена всестороннему рассмотрению процессов глобализации в Восточной Азии.

Одним из проявлений глобализации, как указано выше, является регионализация, не зря исследователи в области социальных отношений указывают, что «регионализация – это

¹ Робертсон Р., Бауман З. называют этот процесс глокализацией. Эйзенштадт Ш. называет данный процесс множественностью модернизмов.

тихая глобализация». Во всем мире можем наблюдать тенденцию складывания региональных блоков: в Европе – Европейский союз, на Ближнем Востоке – Лига Арабских государств, в Северной Америке – НАФТА, в Латинской Америке – МЕРКОСУР и т.д. В Восточной же Азии происходит становление достаточно большого числа региональных организаций – АТЭС, АСЕАН, ШОС и т.д. При этом исследователи отмечают, что регионализм в Азиатско-Тихоокеанском регионе нельзя сводить к какой-либо организации, здесь повсеместно можно наблюдать интеграционные процессы. Так, например, российский экономист Г.М. Костюнина пишет, что нельзя выделить какую-либо организацию, за которой бы закрепились роль проводника глобализации в этом регионе. Здесь можно выделить и соглашения АНЗСЕРТА, ПАСЕР, СПАРТЕКА, региональные организации типа АСЕАН, АТЭС, интеграционные процессы в зонах «Большой Китай», «Большой Меконг», «Кольцо Японского моря» и т.д. М. Бисон указывает на тот факт, что регионализация в АТР, которая проходит под знаменем АТЭС, является типичным примером «старого регионализма», когда в этом регионе сильно ощущалось влияние американского государства. Поэтому исследователи в один ряд ставят АТЭС (региональное экономическое сообщество) и АТР (географическое название), когда хотят указать на интеграционные процессы в этом регионе. Однако Азиатский экономический кризис 1998 года и Мировой экономический кризис 2008 года продемонстрировали неспособность АТЭС, АТР ликвидировать последствия финансовых кризисов. В связи с чем российские политологи С.В. Севастьянов, С.А. Караганов, Я.М. Бергер, А.Д. Богатуров, английский политолог М. Бисон указывают, что по сравнению с другими регионами мира в Восточной Азии только идет процесс складывания регионализма не на основе АТР, АТЭС, а на базе АСЕАН+3 (Корея, Китай, Япония).

В монографии «Восточная Азия: между глобализмом и регионализмом» указывается, что укрепление регионального экономического сотрудничества на базе нового форума АСЕАН+3 является ответом на вызовы глобализации, во-первых, а во-вторых, «продиктовано сугубо конкретными задачами – выхода из кризиса 1997-1998 гг.» [7, 10].

А.Д. Богатуров, Я.М. Бергер, С.М. Караганов полагают, что интеграция в Азии должна строиться путем объединения «малых» стран вокруг одного большого, так как интеграция на основе АТР является расплывчатой, а организации, созданные на этой региональной основе, не могут принимать действенных решений [15].

По мнению М. Бисона, складывание регионального сотрудничества на базе АСЕАН+3 представляется более перспективной темой сотрудничества, нежели АТЭС, АТР. Автор объясняет данный факт тем, что государства Восточной Азии объединяет общий исторический опыт – экономическое и военное воздействие Японии, последствия Холодной войны, особый характер ведения бизнеса и т.д., создающие условия для формирования идентификации на международной арене. Сотрудничество на уровне АТЭС и АТР является примером «старого регионализма», который складывался в условиях Холодной войны [2].

Российский историк Л.Г. Арешидзе и отечественный политолог М.И. Крупянко пишут, что «организация АСЕАН+3 задумывалась как база для создания альтернативы американской Бреттон-Вудской системе в виде Азиатского валютного фонда вместо Международного валютного фонда» [12, 47]. При этом авторы отмечают, что государства Восточной Азии понимают, что для реализации намеченного курса им придется отказаться от международной помощи, в том числе и США, что противоречило американской дипломатии. По мнению А.Д. Богатурина, «американская дипломатия в конце 90-х годов основала новую тактику: фактически навязывая «вольным или невольным партнерам» собственное видение решения тех или иных мировых проблем, она стремилась придать своим действиям форму консенсусных решений, взаимных уступок и компромиссов, согласованных шагов» [17, 579]. Поэтому многие исследователи (А.Д. Богатуров, М. Бисон, Л.Г. Арешидзе, С.А. Караганов и т.д.) считают, что Вашингтон будет всячески противодействовать становлению Восточно-азиатского регионализма. Шагом в этом направлении может служить тот факт, что Соеди-

ненные Штаты настаивают на включении в интеграционные процессы в Восточной Азии Новой Зеландии, Австралии, Индии.

Таким образом, мотивирующим фактором становления восточноазиатского регионализма служит выработка коллективных мер реагирования на внешние экономические и политические вызовы, то есть процессы глобализации. Государства Восточной Азии стремятся создать альтернативный вариант глобализации, где решения по важнейшим вопросам принимаются не на наднациональном уровне, а на базе межправительственного диалога. Благодаря этим процессам в Восточной Азии происходит столь стремительный экономический рывок. Как об этих тенденциях писал управляющий директор Международного Валютного Фонда Мишель Камдессю. «Совсем недавно, десять лет назад, на развивающиеся государства Восточной Азии приходилось лишь одна шестая часть мирового производства. Однако изменив экономическую политику, государства этого региона привлекли частный капитал. В результате чего на сегодняшний день (1997 год) на страны Восточной Азии приходится около четверти мирового ВВП, а к 2005 году будет приходиться треть мирового производства» [3].

Американский социолог П. Бергер называет такую модель управления международными процессами – «Управляемая глобализация». Появление такого феномена на международной арене, по мнению исследователя, связано со «стремлением «управлять» процессами глобализации посредством государственного вмешательства» [14, 23]. Это явление объяснимо тем, что на Востоке всегда были сильны позиции государства. В англоязычной литературе данный феномен получил название патерналистская модель государства, когда непосредственно в систему государственных отношений была встроена система социально-экономических отношений. Американский социолог Ч. Тилли указывает на то, что в Восточной Азии были сильно развиты редистрибутивные отношения, когда экономические отношения встраивались в административную систему [18]. Американский экономист К. Поланьи писал, что восточная модель экономики характеризуется ее встроенностью в само общество, где роль экономических отношений выполняют политические, религиозные и моральные отношения [16]. Российский историк Л.С. Васильев подчеркивает, что на Востоке аппарат администрации сложился раньше частнособственнических отношений, поэтому они оказались зависимыми от государства. Причем исследователь отмечает, что данный системный феномен присущ Востоку до сегодняшнего дня [6]. И действительно, на протяжении всего XX века можем отмечать данный феномен, в том числе и подъем восточноазиатских экономик в 60-80-е годы XX века.

Отечественный исследователь А.И. Яковлев связывает успех экономических реформ с установлением диктаторских режимов: в Корее – генерал Пак Чонхи, Тайване – Чан Кайши (военное положение было отменено в 1987 году), Китае – Мао Цзэдун и Дэн Сяопин [21]. Даже в таком демократическом государстве, как Япония, экономические реформы проходили под сильным влиянием государства. По мнению отечественного историка Э.В. Молодяковой, в основе подхода Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) регулирования рынка лежали, «во-первых, понимание несовершенства рыночного механизма и, следовательно, необходимости защиты общества от его «провалов» и, во-вторых, расширительное толкование понятия «провалы рынка», что создавало основу для масштабного, чем в других развитых странах, вмешательства государства в экономическую жизнь» [22, 13]. Вместе с этим авторитаризм в странах Восточной Азии господствовал до тех пор, пока не произошли изменения на международной арене, в области геополитики и методов управления экономикой. С одной стороны, Соединенным Штатам Америки было выгодно поддерживать авторитарные режимы, так как шла Холодная война. В этих условиях необходимы были сильные союзники, но война в 1991 году закончилась, и соответственно Вашингтон стал навязывать собственное видение политики. С другой стороны, ввиду экономического кризиса 80-х годов, который привел к стагнации, произошла выработка и внедрение нового метода управления экономикой, получившего название неолиберализм. Рассматривая эту теорию, американский географ-марксист Д. Харви подчеркивает, что «индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности свободного рынка, хотя и в определенных институциональных границах – сильного права собственности, свободного рынка

и свободной торговли. При этом роль государства сводится к минимуму. Оно должно формировать законодательные структуры и выполнять все функции, необходимые для охраны священных прав частной собственности, гарантировать их соблюдение, если понадобится — то и силой, — а также обеспечивать «правильную» работу рынков» [20]. Поэтому исследователи отмечают, что поддержать экономический рост в Восточной Азии в новых условиях можно лишь благодаря внедрению неолитерализма, который в первую очередь предполагает перестройку политических отношений.

В докладе «Цели развития тысячелетия. Сокращение бедности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» говорится, что для преодоления бедности в Азии мало только проводить экономические реформы, к этому явлению необходимо добавить процесс демократизации [4].

В работе «Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики» публикуется программа действий по преодолению экономического отставания государств. В одном из пунктов авторы пишут, что для реализации этой цели нужен хороший инвестиционный климат. Вместе с этим авторы отмечают, что инвестиционный климат является «средой правильного регулирования экономики», то есть формируется под влиянием перестройки политической системы [9].

В работе американского правоведа Б. Линдси публикуется материал о влиянии государственной политики на экономическую систему. Автор пишет, что коррупция, финансовые кризисы, мошенничество в сфере финансов и многое другое — все это является результатом вмешательства государства в экономику. Для разрешения этих проблем необходимо проводить политику демократизации. По мнению Б. Линдси, таким образом, государство решает две задачи: во-первых, происходит создание «хороших правовых институтов», а во-вторых, формируется благоприятный инвестиционный климат [13]. Однако наряду с мирными способами распространения отмеченной политической системы существуют и силовые методы насаждения демократии. Страны, не участвующие в процессах демократизации, объявляются враждебными по отношению к миру и помещаются в «Ось Зла». Под влиянием этих особенностей восточноазиатские государства вынуждены согласиться с такими правилами игры, поэтому повсеместно можно наблюдать демократизацию — и в коммунистическом Китае, и в либеральной Японии.

Проводя демократизацию, восточноазиатские государства разрушают социально-экономическую систему, которая существовала в регионе на протяжении тысячелетия. Английский социолог З. Бауман пишет, что под влиянием демократизации увеличивается индивидуальная свобода, «а функции, которые недавно считались прерогативой государства, переступают в «сферу ответственности» индивидов» [11, 62]. Под влиянием этих особенностей происходит отделение экономики от культуры и государства, а вместе с этим и самобытных особенностей, благодаря которым восточноазиатское общество добилось столь высоких результатов в экономике. Кроме того, распространение западной модели управления экономикой приводит к «дезинтеграции общества в результате утраты общих духовных и нравственных ценностей», так как происходит гибель самобытности и насаждение на этом этапе западной капиталистической системы [10, 231]. Поэтому неудивительно, что одним из первых, кто выявил тенденцию гибели национального государства, был представитель восточноазиатского региона японец К. Омаэ.

Развивая эту проблему, В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова приходят к выводу, что одной из тенденций преобразования буржуазного национального государства является становление государства на этнооснове [19]. Данная тенденция не останется незамеченной, так как под влиянием этого будет происходить распад многонациональных государств, что, кстати, мы можем наблюдать на современном этапе в Восточноазиатском регионе — Синьцзян-Уйгурский район, Тибет, Кхмерская проблема и т.д.

Под влиянием вышеописанных явлений современного мира странам восточноазиатского государства приходится проводить комплекс мер реагирования на процессы глобализации на региональном уровне, так как в равной степени они затрагивают все государства Восточной Азии. Мероприятия данного типа приводят к формированию регионализма, но становление происходит не по классическому варианту как в Европе, когда все решения принимаются на наднациональном уровне.

Итало-американский социолог Арриги Дж. связывает данный факт с фундаментальными различиями между двумя системами государств. Восточноазиатские государства, соревнуясь друг с другом, никогда не стремились создать империи вне своих границ, в Европе же становление регионализма происходит под влиянием поглощения двумя-тремя государствами других политических систем [5, 351]. Даже создание такого экономического явления, как Свободные Экономические Зоны, является свидетельством фундаментальных различий Востока от Запада. Государства Восточной Азии не переносят успешную экономическую систему на всю территорию государства, они создают лишь оплот для максимального извлечения прибыли, не изменяя базовых ценностей. Поэтому формирование регионализма в Восточной Азии происходит на уровне межправительственного диалога АСЕАН+3. Это пример совместного сотрудничества для контролирования процессов глобализации в Восточной Азии как максимального извлечения прибылей, так и максимального сопротивления глобальной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization //The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie, Vol. 24, No. 2 (Spring, 1999), pp. 283-295.
2. Mark Beeson Regionalism and Globalization in East Asia. Politics, Security and Economic Development. «Palgrave Macmillan», 2007. – 336 p.
3. Michel Camdessus Globalization and Asia: The Challenges for Regional Cooperation and the Implications for Hong Kong. URL: /http://www.imf.org/external/np/speeches/1997/mds9703.htm.
4. Millennium Development Goal of halving poverty in Asia and the Pacific Region. Progress, prospects and priorities. International Fund for Agricultural Development (IFAD). 2006. – 53 p.
5. Арриги, Джованни. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Джованни Арриги; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
6. Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на новую проблему) / Л. С. Васильев // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 148-161.
7. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г.И. Чуфрин; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2004. – 282 с.
8. Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. / РАН ИНИОН. – М., 2004. – Ч. I. – 264 с.
9. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 216 с.
10. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества; вступ. ст. В. Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – 318 с.
11. Зарубина, Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации / Н. Н. Зарубина. – СПб.: РХГИ, 1998. – 288 с.
12. Крупянко, М. И. США и Восточная Азия. Борьба за «новый международный порядок» / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 448 с.
13. Линдси, Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Бринк Линси; пер. с англ. – М.: Мысль, 2011.– 416 с.
14. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
15. Перспективы «развитой» Азии и политика России: Материалы ситуационного анализа (бэкграунд) Совета по внешней и оборонной политике и журнала «Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике. URL: <http://globalaffairs.ru>.
16. Поланьи, К. Избранные работы / Карл Поланьи.– М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 200 с.
17. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 2. События 1945-2003 годов / под ред. А. Д. Багатурова. – М.: Культурная революция, 2009. – 720 с.
18. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990-1992 гг. / Чарльз Тилли; пер. с англ. Т. Менской. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 360 с.
19. Фетодова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Фетодова, В. А. Колпаков, Н. Н. Фетодова. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
20. Харви, Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Дэвид Харви; пер. с англ. Н. С. Брагиной. URL: www.vusnet.ru/biblio.
21. Яковлев, А. И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX-XX веках / А. И. Яковлев. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 504 с.
22. Япония: полвека правления либерал-демократов / рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.